

«МН» № 19, 12 – 19 мая 1996 г.

КУЛЬ

Медее берет вину на себя

ПРЕМЬЕРА

На чеховском фестивале Алла Демидова первый и единственный раз показала в Москве свою «Медее» полтора месяца спустя после премьеры спектакля в Афинах.

Поставил «Медее» греческий режиссер Теодор Терзопулос, это его вторая работа с Демидовой, первая была «Квартет» по пьесе известного на Западе немецкого писателя Хайнера Мюллера (скончавшегося в этом году). В основу нового спектакля также положен текст Мюллера и включены два монолога из «Медее» Еврипида, увидевшей свет в Афинах в 431 году до н.э. Дух захватывает от временной толщи в две с половиной тысячи лет: «И это станет для людей как времена Веспасиана, а было это — только рана и муки облачко над ней». Трудно сказать, имели ли в виду постановщик и актриса эти ахматовские строки, только облачко на сцене присутствует, паря над абсолютной чернотой Мединной муки. Произведение Мюллера озаглавлено по правилам современного отношения к сакральным текстам — «Медее-материал». Материал этот здесь неизвестен, поэтому доверимся актрисе.

Медее на сцене одна. Она и должна быть одна. Покинутая мужем, униженная изменой женщина нехороша и никому не интересна со своим горем. С ее поразительным трагическим даром Демидова, меняя голос от хрипа до нежного девичьего возгласа «Ясон!», проживает всю жизнь несчастной Медине в поисках ответа на вечный женский вопрос: за что? Как правило, это случается ни за что. Но Медее Демидовой, натура бескомпромиссная, разгадку ищет в себе. Разгадка страшная: предательство. Она никак не выговаривает это слово, однако это она предала родину, отца, убила брата, бежала с чужеземцем. Теперь наступила расплата. Но она из варварской Колхиды, Медее, ей чужды законы Эллады, она будет мстить по-своему, жестоко и коварно. Она уничтожит соперницу, послав ей в подарок

свадебное покрывало, пропитанное ядом, а пока сама им любовается, накидывает воздушную ткань на голову, преображаясь в прекрасную принцессу Грезу, танцует, вспоминая собственную свадьбу. В программке к спектаклю Алла Демидова уточняет, что его эстетика «подсказана» Параджановым, и ее танец с покрывалом, ее диковинный головной убор, сияющий камнями, — одна из самых впечатляющих подсказок.

Ну а дети, чей беззаботный смех режет Медее сердце? Сквозь века несет отвергнутая женщина клеймо детоубийцы. Демидова с нею этот позор снимает: ее Медее слишком хорошо помнит, что она внучка Гелиоса, бога Солнца, к нему и отсылает сыновей.

Убедительная, тонкая, неожиданная работа. Может быть, несколько пристрастная в упрямой попытке отпустить героине ее самый тяжкий грех. Но здесь у Демидовой есть вполне авторитетный союзник — Данте. Непревзойденный мастер выстраивать грехи по ранжиру, автор «Божественной комедии» судит не Медее (она — жертва), а ее мужа, изменника Ясона, опре-

делив его в восьмой, предпоследний круг Ада, куда он согнал сводников и распутников. Ясона, который до Медин бросил другую жену, притом беременную, черти нещадно истязают плетьюми.

За час с небольшим (который пролетел в одну минуту) монолога Аллы Демидовой на черной сцене ее Медее истязает себя сама. Впрочем, согласно одной из легенд, наша героиня впоследствии выходит замуж за давнего приятеля, афинского царя Эгея. Но это уже за пределами не только спектакля, но и вообще искусства.

Ольга МАРТЫНЕНКО

Алла Демидова — Медее